

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР
КЕРВУД

БРОДЯГИ СЕВЕРА

В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

Москва
Издательство АСТ
2023

БРОДЯГИ СЕВЕРА

Глава I

Неева, маленький черный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта — на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму — в зиму рождения маленького Неевы — она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почуял и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джексона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готс до реки Черчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где еще белели остатки высоких сугробов, наметенных зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватало глаз, простирались синевато-черные полосы леса, мерцали озера, еще

не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, черная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из темной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к теплоте блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное — победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломленное тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Еще минуту назад он был окутан темнотой — и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасенных для него матерью-природой. Он еще ничего не знал, но в нем заговорил врожденный инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение ее плодами. Он сморщил бурый носик, втянул ноздрями воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался — его настроенные ушки ловили музыку пробуждающейся земли. Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствующая о том, что покой этого мирного края еще не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева различал множество еще незнакомых звуков, которые могли издавать только живые существа: чириканье воробьев, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых елок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клекот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это — опасность.

Нузак подняла голову и увидела темный силуэт: Упиок, огромный орел, парил между землей и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все ее кости ныли, все-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Ее мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были ее домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, — еле слышный рев большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую теплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было еще теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрещав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулась от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущенно крикнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару. Неева все это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинаясь инстинкту, готов был пуститься наутек по первому ее сигналу. И теперь в его круглой смешной головке быстро зрел вывод, что его мать — самое удивительное существо на свете. И уж бесспорно самое большое, то есть самое большое из всего, что живет и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фырканье, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носик и рявкнул, как он рявкал на уши и патлатую шерсть Нузак в темной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рявкать на все, на что ему захотелось бы рявкнуть,

пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, все равно убежали от нее.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нем крепла уверенность, что его мать — единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью — за свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти все время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чашу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что ее бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-черными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жесткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперед, перебирая шестью ногами, и прищелкивал — это прищелкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке разыгралась воинственная кровь Суминитика, его отца, и он осторожно протянул вперед лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец. Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошел вперед.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырех дюймов, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щелкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос ее отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. И тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе ее большой теплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него все еще побаливал, но медвежонка счастливее его не нашлось бы на всем свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового, и если не сумел победить жука, то все равно показал себя с самой лучшей стороны.

Глава II

В эту ночь Неева перенес жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твердой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподала

Неева курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжелой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалеком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массирует носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далекое, а теперь впервые он увидел, как оно встает над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился и оно превратилось в огромный непонятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Ее большая голова была повернута к нему, и она довольно шурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходившее от алого шара, и, несмотря на пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

Еще две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далеких черных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы загрубели, и он весил уже добрых шесть фунтов — неплохая прибавка, если вспомнить, что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах еще попадались сугробы, даже не начинавшие таять, и первые два дня Неева все время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Все темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматтавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.

Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу — то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым ее лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивился, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поела еще по-зимнему сонных лягушек и жаб, муравьев, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смерзшийся ком зимующих укусных муравьев. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдосталь полакомился кисло-сладкими муравьями, которые показались ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились все теплее, съедобные существа, прятавшиеся под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волнующую радость самостоятельной охоты. Он встретился еще с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нем стремительно развивались черты характера, унаследованные от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца — это произошло в конце мая, — он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носишки до кончика короткого хвоста в нем не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был черен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой теплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными глазенками

и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснет ее за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и с внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зеленом мире Неева был маленьким черным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он еще видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зеленому откосу, — молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьев. Потом он вспугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапуз в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда еще кровь Суминитика не бушевала в нем с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь. Впервые в жизни ему хотелось подраться — все равно с кем. Он был похож на мальчишку, который получил в подарок на Новый год боксерские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, все еще морща нос и вызывающе рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Все живое в мире боялось его матери. Все живое в мире боялось его самого. И вот результат — юному храбрцу не с кем помериться силами. Было от чего прийти в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснет до самой ночи! Он заставит ее окунуться в радость этого прекрасного дня, или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в нее свои зубки до самых десен.

Раздался рев, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отличавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и в отличие от Нузак утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку. Старый медведь был не только угрюм и злобен — он к тому же особенно ненавидел медвежат. На своем веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «учаном» — так индейцы-охотники называют медведей-каннибалов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он испустил новый рев.

Тут Неева напряг свои толстые лапки и во весь дух пустился наутек. Никогда еще он не бегал так быстро. Инстинкт подсказывал ему, что наконец-то он встретил существо, которое его не боится, и что ему грозит смертельная опасность. Неева бежал, не выбирая направления, потому что ошибка, которую он допустил, совсем его ошеломила и он совершенно не представлял, где находится его мать. Позади него раздавался топот Макуза, и он испустил отчаянный вопль, исполненный ужаса и мольбы о помощи. Нузак, любящая, мужественная мать, услышала этот вопль. Она вскочила на ноги — и как раз вовремя. Из-за камня, около которого она спала, выскочил Неева, точно черное пушечное ядро, а в десяти шагах за ним бежал, настигая его, Макуз. Уголком глаза Неева заметил мать, но с разгона проскочил мимо. И тут Нузак бросилась на Макуза. Как регбист, прорывающийся с мячом, она всем весом своего тела ударила старого разбойника в ребра, и два медведя покатались по земле в схватке, которая Нееве показалась чрезвычайно увлекательным и чудесным зрелищем.

Он остановился и начал наблюдать поединок своей матери с Макузом. Его выпуклые, как две луковички, глаза весело блестя. Все утро он жаждал подраться, но то, что он увидел теперь, ввергло его в настоящий столбняк. Два медведя сцепились в смертельном объятии: они ревели, драли друг друга когтями и зубами, расшвыривая камешки и землю. Сначала преимущество было на стороне Нузак: ее первый натиск оглушил Макуза, и теперь она стертыми, сломанными зубами сжимала его горло, а мощными когтями задних лап рвала его шкуру, так что по

бокам старого злодея ручьями стекала кровь, и он ревел, как задыхающийся бык. Неева понял, что его преследователю придется туго, и, возбужденным визгом подбодряя мать в надежде, что она задаст старому Макузу хорошую трепку, он подбежал к месту схватки, сморщил нос, с яростным рычанием оскалил зубы и принялся возбужденно приплясывать в пяти шагах от дерущихся, — дух Суминитика гнал его в бой, но одновременно ему было страшно.

Затем в положении бойцов неожиданно произошла перемена, и Неева в растерянности понял, что начал торжествовать слишком рано. Макуз, как самец, естественно, был более опытен в драках: внезапно он вырвал горло из челюстей Нузак, подмял ее под себя и, в свою очередь, принялся раздирать ее бока с таким бешенством, что бедная старая медведица жалобно застонала, и сердце Неевы оледенело от ужаса.

Что испытывает маленький мальчик, видя, как его отец терпит поражение? Конечно, он бросится ему на выручку и пустит в ход первую попавшуюся под руку палку. Всякий ребенок считает, что его родители — самые лучшие, самые умные, самые сильные люди на свете. А в Нееве было много общего с человеческими детенышами. Чем громче вопила его мать, тем острее он ощущал, что происходит неслыханная катастрофа. А если старость и лишила Нузак былой силы, мощь ее голоса осталась прежней, так что ее рев разносился, наверное, на целую милю. Неева не выдержал — ослепнув от ярости, он кинулся вперед. Совершенно случайно его крепкие маленькие челюсти сомкнулись на пальце именно Макуза, а не Нузак, но палец этот они пронзили, как два ряда острых булавок. Макуз дернул лапой, но Неева только крепче сжал челюсти. Тогда Макуз подогнул укушенную лапу и брыкнул ею так резко, что Неева, несмотря на всю свою решимость не размыкать зубов, взлетел в воздух, точно камень, пущенный из пращи. Описав крутую дугу, он стукнулся о валун шагах в десяти от дерущихся и был настолько оглушен, что несколько секунд никак не мог подняться на ноги. Наконец в глазах у него прояснилось, он поглядел на мать и на Макуза, и его сердце снова отчаянно забилося.

Макуз уже не дрался — он улепетывал с поляны во все лопатки, заметно припадая на заднюю лапу.

Бедная старая Нузак стояла пошатываясь и глядела вслед убегающему врагу. Она задыхалась, как загнанная лошадь. Ее пасть

была широко открыта, язык высунут. С ее боков на землю стекали струйки крови. Макуз умело измял ее и искалечил. С первого взгляда можно было увидеть, что она потерпела решительное поражение. Но великолепное зрелище обращенного в бегство врага заслонило от Неевы все остальное. Макуз позорно покинул поле боя! Следовательно, побежден был именно он. И, ликующе повизгивая, Неева кинулся к матери.

Глава III

Они стояли, облитые жарким солнцем июньского дня, и смотрели, как Макуз торопливо взбирается на откос по ту сторону речки. В эту минуту Неева чувствовал себя старым закаленным бойцом, а вовсе не пузатым медвежонком с круглой мордочкой, которому едва исполнилось четыре месяца и который весит не четыреста фунтов, а всего девять.

Однако после того как Неева сжал свирепыми зубками нежный палец Макуза, прошло еще немало времени, прежде чем Нузак настолько отдышалась, что смогла издать глухое ворчание. Ее бока раздувались, как кузнечные мехи, и, когда Макуз исчез в зарослях на другом берегу речки, Неева присел на толстые задние лапы, насторожил смешные круглые ушки и обеспокоенно уставился на мать круглыми блестящими глазами. Нузак с хриплым стоном повернулась и медленно побрела к большому валуну, возле которого она спала, когда ее разбудили панические вопли Неевы. Ей казалось, что все ее старые кости перебиты или вывихнуты. Она брела, хромя, припадая к земле и постанывая, а позади нее по зеленой траве тянулись цепочки кровавых пятен. Макуз отделал ее самым беспощадным образом.

Нузак со стоном легла и поглядела на Нееву, словно говоря: «Если бы не твои проказы, старый разбойник не взбесился бы и ничего этого не произошло бы! А теперь только погляди, что стало со мной!»

Молодой медведь быстро оправился бы после подобной драки, но Нузак пролежала без движения весь вечер и всю ночь. А такой красивой ночи Неева еще не видел. Теперь, когда ночи стали теплыми, он полюбил луну еще больше, чем любил солнце, потому что по своей природе, по всем своим инстинктам был более ночным бродягой, чем дневным охотником. Луна встала на востоке в золотистом ореоле. Купы елей и сосен казались